

Анна Немеровская

Сестрички

Главный редактор солидного журнала Михаил Евгеньевич был, как всегда, весь в работе. Он одновременно говорил по телефону, разбирал и перекладывал бумаги, некоторые подписывал, на других ставил пометки, понятные только его секретарю. А вот и он, секретарь главного редактора. Как раз в тот момент, когда мы с вами смотрим на Михаила Евгеньевича, он вошел в кабинет, чтобы забрать всю эту макулатуру, то бишь нужные бумаги для дальнейшего рабочего конвейера. Стараясь не прерывать телефонный разговор шефа, секретарь жестом указал на дверь в приемную и одними губами произнес: "Гита Марковна". Михаил Евгеньевич ответил также жестом, означавшим "пусть войдет". Секретарь вышел и пригласил скромную пожилую даму с редким именем Гита.

Пожилые дамы делятся на людей младшего пенсионного возраста (55-65), среднего (65-75) и старшего (75-120). Пожилые мужчины, соответственно, тоже, но с разницей в 5 лет. Таково пенсионное законодательство.

Не отвлекаясь более, обратим внимание на вошедшую Гиту Марковну – женщину среднего пенсионного возраста. Она была одета скромно, не в смысле бедно, а скромно – в смысле... скромно. Она считала, что в присутственное место надо приходиться одетой строго, по-деловому, не то что в театр, куда можно позволить какой-нибудь легкомысленный шифоновый шарфик. Тщательно отглаженный темный костюм, на голове берет – все, как обычно, как всегда при походе в редакцию. Приходила она раз в месяц, приносила в очередной номер журнала материал, отпечатанный, проверенный и отредактированный до последней запятой так же тщательно, как был отглажен ее костюм. Оставляла очерк или рассказ у секретаря, а через неделю приходила к главному за ответом или обсуждением представленного рассказа и гонораром за предыдущий.

Она писала о необыкновенных жизненных ситуациях, нестандартных взаимоотношениях, невероятных поворотах судьбы, которые казались даже неправдоподобными. Очерки и рассказы Гиты Марковны нравились – это доносила читательская почта. Одни считали их авторским вымыслом, другие говорили, что в жизни всякое бывает, и даже еще более удивительные вещи. Иногда в письмах читателей разгоралось довольно бурное обсуждение ее героев и ситуаций, что повышало рейтинг журнала и не могло не радовать редактора.

Михаил Евгеньевич любил беседовать с Гиточкой (так он называл ее за глаза - в разговоре с секретарем или когда рассказывал о ней жене).

Она была дама необыкновенно интеллигентная, образованная и широко эрудированная. Про таких, как она, говорят "не от мира сего" или "она будто из XIX века". Хотя, с другой стороны, Гита Марковна вовсе не была наивной. В ней каким-то странным образом сочетались жизненный прагматизм с радостным детским удивлением окружающим миром.

Перед Михаилом Евгеньевичем на этот раз лежали две папочки – очерк и рассказ.

– Как поживаете, уважаемая Гита Марковна? Как вы обычно говорите: "Экономьте время. Ближе к

делу"? Ну, что ж, подойдем ближе к делу. С чего начнем? О сестричках рассказ очень милый. Если не возражаете, я его попридержу к майским праздникам. А вот ваш очерк "Зависть" – весьма... я бы даже сказал, слишком откровенный. Так вывернуть душу... Понимаю, что имена изменены, что люди где-нибудь в Нижнекамске прочтут с интересом и подумают, что вы это все выдумали, но близкое его окружение ведь узнает, кто это, даже под другим именем. Узнают о его подлости, обязательно узнают. А уж тогда возможны всяческие неприятности – скандал, конфликт, ему, может быть, руки потом никто не подаст или, еще того хуже, извините, морду набьют.

Я подумаю. Не обижайтесь, дорогая Гита Марковна, мне нужно время, чтобы придти к какому-то решению. И как же вам удастся так поговорить с человеком, что он совершенно "голенькую" душу свою предьявляет? Ведь у нас у всех генетическая память со сталинских времен – закрыть сердце на большой замок и чужим не открывать.

– Не знаю, почему мне рассказывают. Рассказывают и все... Есть люди, которым нужно пойти в церковь исповедаться, повиниться и облегчить душу, но мы к этому не приучены. Наверное, это значит, что нам нужны психотерапевты и психоаналитики, как во всех цивилизованных странах. Да ведь рассказывают не только мне. В годы моей молодости все наше поколение зачитывалось статьями Татьяны Тэсс в «Комсомольской правде». Так ей и не такое рассказывали.

В майском номере журнала был напечатан Гиточкин рассказ "Сестрички".

#####

Сердце сестры – алмаз чистоты, бездна нежности.

Оноре де Бальзак. Отец Горио

В самом начале войны на оккупированной территории оказалась молодая жена офицера-пограничника с двумя дочерьми – 3 и 10 лет. Она приехала с детьми к мужу на границу в начале лета 1941 года. Муж был против этой поездки – видимо, знал, насколько неспокойно в мире. Но жена уж очень соскучилась и планировала побыть с мужем хотя бы во время летних школьных каникул. Планировала...

Старшая дочка, Рая, терпеть не могла младшую, Зину – ревновала мать к ней, завидовала, когда знакомые и незнакомые обращали внимание на младшенькую ("Ах, какая красавица! Ну что за куколка!"). Мать, не отличавшаяся, должно быть, особым педагогическим тактом, постоянно упрекала старшую: "Ты злая, вредная, посмотри, как Зиночка тебя любит и ластится к тебе, а ты ее отпихиваешь, не любишь" и т.д.

Понятно, что это не прибавляло любви к сестре в Раиной душе. В самых жестоких своих мечтах она видела эту противную Зинку утонувшей в речке или украденной цыганами. Тогда мама, погоревав немного, опять будет любить только свою единственную Раечку.

Итак, оккупация... Муж погиб в первые же дни войны. Рая помнит страх в глазах матери, которая прислушивалась к каждому звуку за дверью. Жена офицера Красной Армии, да еще с многозначительной фамилией Каган, она оказалась в западне. Выехать не успела. Кругом немцы. А детей надо кормить, да где раздобыть еду? И на соседей боязно положиться – кто предаст, а кто – нет? Она выходила ночью выкопать 3-4 картофелины, и этим они питались.

Однажды утром девочки проснулись, а мамы не было.

– Хочу маму! – заплакала Зина.

– Не плачь, мама скоро придет, – строго сказала Рая, помогла сестре слезть с кровати, усадила на горшок.

При этом она заметила, что горшок был пуст. Значит, рано утром мама была еще дома – вынесла

горшок, пока они спали, а потом ушла «на разведку».

Время тянулось тоскливо медленно. Дети, обнявшись, сидели на кровати и тихо плакали, устав плакать – засыпали. Зиночка просила кушать. Рая походила по комнате, но, конечно, ничего съедобного не нашла. Опять залезла на кровать к сестричке. Начало темнеть, а мамы все нет и нет. Рая уже поняла, что случилось что-то ужасное, и мама, наверно, не придет никогда.

Вечером, когда стало совсем темно, входная дверь скрипнула, послышались чьи-то осторожные шаги, но не мамыны. Девочки замерли. Открылась дверь в комнату. На пороге стоял кто-то, белая борода его ярко выделялась в темноте.

– Эй, кто тут живой? – раздался тихий голос старика-соседа, чья борода белела в темноте. – Здесь должны быть две девочки. Не бойтесь, идите сюда.

– А мама где? – с надеждой спросила Рая.

Старик молча оглядывал комнату. Нашел какие-то кофточки, чулочки.

– Одевайся и сестричку одень. Пойдемте отсюда поскорее. Здесь вам опасно оставаться.

– А как же мама нас найдет, когда вернется?

– Я ей обязательно скажу, – еле слышно и грустно сказал старик. (Девочки так никогда и не узнали, что случилось с их мамой.)

Старик привел детей к реке. Там в кустах была спрятана лодка. В ней молча сидели два маленьких мальчика и две такие же крошки-девочки. Добавив к ним Раю и Зиночку, старик отчалил. Ночь, темно, лодка... Ну, точь-в-точь Дед Мазай и зайцы. Бедные, испуганные «зайчишки» не понимали, что происходит, что с ними будет потом. Они уже приближались к берегу, до него уже рукой подать... Но тут лодка зацепилась за корягу и, накренившись, стала наполняться водой. Дед, кряхтя и ворча что-то под нос, вылез из лодки. Вода была ему по пояс. Он стал по одному вынимать детей из лодки и относить на берег. Однако вода прибывала слишком быстро.

Тогда он поставил между собой и берегом Раю как старшую и самую высокую. Ей вода была по грудь. Дед передавал ей очередного ребенка, и она относила его на берег. Последней была Зиночка... Как она выскользнула из рук старика – непонятно. Упав, она отчаянно барахталась в воде.

«Вот он, вот он, долгожданный миг... Зина утонет, а я расскажу маме, как это случилось, мы вместе будем горько плакать. А потом я вновь стану одной-единственной, любимой у мамы».

Все эти мысли в одну секунду промелькнули в Раиной голове, но в ту же секунду тело, ноги, руки, не ожидая команды мозга, бросились на спасение сестрички. Она схватила ее, крепко прижала к себе и стала осторожно выбираться на сушу. Старик завел затонувшую лодку в кусты и тоже вышел к детям. Он привел их к какой-то куче то ли травы, то ли сена – в темноте не разглядеть.

– Сидите тихо, я буду вас по одному отводить.

Где-то далеко лаяли собаки. Наконец, когда старик вернулся за предпоследним ребенком – Зиночкой, Раечка решила спросить:

– Куда вы их отводите?

– Я отдаю их хорошим людям. – Старик помолчал немного. – Чтобы они не пропали, не умерли с голоду, чтобы их фашисты не схватили... Как твоя фамилия?

– Каган.

– Запомни ее хорошенько, только никому не говори! Скажи, что забыла. – И, тяжело вздохнув, забрал Зиночку. – Сиди тихо, я вернусь.

– А можно Зиночку со мной вместе?

– Трудно найти, кто возьмет двух детей. Ничего, не волнуйся. Вот кончится война – и мама найдется, и сестренка не потеряется далеко.

Но в голосе его не было уверенности.

Рассвет застал Раечку полузарывшейся в сено. Рядом никого не было. «Может быть, Дед приходил, а я проспала его? Нет, если бы он пришел, разбудил бы меня. Значит, его схватили фашисты. Если его схватили по дороге туда, тогда и Зиночка тоже пропала, а если по дороге обратно, то Зиночка спасена. А может, Дед просто устал и переночевал где-то, а потом придет за мной?»

Раечка попила воды из речки, пожевала какие-то листики со слезами пополам, потом заснула тревожным сном. Только когда солнце стало клониться за холм, решила, что надо выбираться самой и побрела вдоль реки вверх по течению – ей казалось, что Дед уводил детей в ту сторону. В руках она несла узелок, который нашла на берегу. В нем были две Зиночкины кофточки и мамин платок. Этот узелок был с ними в лодке, потом, видно, его прибило к берегу.

Шла она долго, стало темнеть. Услышала лай собак, но эти лаяли как-то по-другому, залиvistее. Раечка догадалась, что вышла к другому селу, не к тому, куда Дед отвел Зиночку. Луна и звезды освещали ей путь и, наверно, берегли девочку, потому что ноги сами несли ее по пыльной улице к маленькой покосившейся церкви. Дверь была не заперта. Она забралась в самый дальний, темный угол и, свернувшись клубочком на полу, заснула крепким сном, как только может заснуть ребенок – усталый и измученный, испуганный и голодный. Во сне Зиночка обнимала ее. Пржней злости на нее не было. «Ну, пусть обнимает, если ей так хочется». Но когда Зиночка стала целовать ее в щеки и глаза, Раечка легонько отпихнула ее, проснулась и увидела над собой собачью морду... Так вот кто лизал ее!

Собак Раечка не боялась, дружила с ними, гладила их. А вот Зиночка, глупенькая, боялась и всегда пряталась от них за мамину юбку или за Раечку.

– Жучок, Жучок! Где ты? – услышала Раечка старческий голос.

Она вскочила, прижалась к стене. Появился старик с седой бородой. У Раечки радостно забило сердце, она подумала, что это дед Мазай пришел за ней. Но это был другой старик. Подслеповатыми глазами он вглядывался в угол, где стояла Раечка.

– Кто здесь?

– Это я, Рая.

– Откуда ты такая, Рая? Иди сюда.

– Я потерялась. Вы не знаете, куда делся Дедушка, такой хороший, добрый, седой, на вас похожий?

– Ну, рассказывай все подробно, кто ты и откуда.

– Я Рая, фамилию не помню. Мама потерялась, и сестренка Зиночка – тоже. И Дедушка потерялся.

Она горько заплакала. Все беды и страхи этих двух с половиной суток вылились на колени старому попу Никанору. Он был такой старый, что ни красные, ни белые, ни коричневые, ни зеленые, ни другие разноцветные не трогали его. Он пережил всех своих сверстников, родных и близких. Казалось, что небесная канцелярия просто пропустила его в своих входных и выходных реестрах. И что жить он будет еще 100 или 200 лет – до очередной аудиторской проверки на небесах.

Никанор гладил девочку по трясущимся худеньким плечикам, а Жучок вился вьюном вокруг нее, пытаясь слизнуть слезы с ее щек.

– Посмотри, и Жучок тебя успокаивает. Хватит плакать, уж весь пол слезами замочила, – пытался поп нехитрой шуткой отвлечь девочку.

– А хотите, я Вам пол помою и дом Ваш буду убирать, и все-все делать буду?

– Дом, – усмехнулся Никанор и повел ее в свою каморку.

Там он поделился с ней скудным ужином, который сердобольные старушки иногда приносили ему – кто яичко, кто картошечки... Потом достал ей одеяло. Но спать было негде.

– Не беспокойтесь, я и на полу могу, – поторопилась Раечка.

Сложила вчетверо одеяло, постелила на полу и залезла в него, как в спальный мешок. Жучок

согревал своим телом ее холодные, как ледышки, ноги.

Раечка два с половиной года сердечно, с любовью ухаживала за стареньким священником, но силы его таяли с каждым днем. Наверно, небесная бухгалтерия обнаружила недостачу и хотела его забрать на небо, в конце концов – уж чересчур зажился. Да старик вымолил у Всевышнего еще кусочек жизни, чтоб не бросать сиротку одну в такое страшное и непригодное для жизни время. Он-таки дождался прихода Красной Армии. Попросил позвать к нему офицера.

– Я умираю, – сказал ему белый, как лунь, старик. – Обещай мне, что позаботишься о девочке, а я за это на небесах выпрошу тебе долгую жизнь, чтоб ни одна пуля не коснулась тебя. Хоть все вы, молодые, атеисты, но ты все-таки поверь мне. Видишь, девочке скоро 13 лет. Смотри, чтоб никто ее не обидел. Обещай мне, – повторил священник, словно заклинание.

Офицер обещал. Весельчак, балагур и, конечно же, атеист, он почему-то серьезно воспринял договор со стариком.

Старый поп глубоко вздохнул в последний раз и отправился на небеса, так давно его ожидавшие. Конечно же, в рай. Его тело, невесомое, как пух, похоронили здесь же, на церковном погосте. Плачущую Раю и жавшегося к ней Жучка офицер передал в руки медсестры, своей невесты, и написал две записки: одну – для Раи с адресом своих родителей (на всякий случай, если...), другую, наивную и официальную – для властей:

«Справка.

Я, лейтенант Красной Армии Фадей Ильич Кагановский, прошу принять девочку Раю, оставшуюся круглой сиротой, в детский дом. Даю ей свою фамилию и отчество.

Лейтенант Ф.И.Кагановский»

(Представляете, какое совпадение!)

До конца войны она была при медсанчасти. Молодой лейтенант нет-нет да урывал время заглянуть в медсанчасть. Конечно, его тянуло к своей невесте, но заодно проведать Раю, как он обещал старику, было не грех. Когда война кончилась, медсестра, воспользовавшись тем, что Рая была ростом выше своих сверстников, приписала ей полтора года и устроила в общежитие при швейной фабрике.

Надо сказать, что Фадей Ильич (может, благодаря молитвам старого попа?) благополучно вернулся с фронта. Свидеться с Раечкой, в общем-то, особо не рвался – жена, та самая медсестра, не поощряла, но был рад получать на 23 февраля, 9 мая и Новый год написанные аккуратным почерком поздравительные открытки от своей «крестницы». И сам исправно отвечал.

Долго под этой звучной фамилией Раечка не жила – рано, в 17 лет вышла замуж за высокого, видного парня. Не то чтобы так уж сильно влюбилась, но все им восхищались, завидовали ей, хоть был он на 10 лет старше. Родила сына, назвала его Володей, в честь своего отца. Работала на фабрике, растила сына, но жизнь с мужем не сложилась. Он отбирал у нее всю зарплату, требовал отчета до копейки, кричал и ругался из-за денег. Подружки на работе советовали: «Терпи! Посмотри, у кого есть муж, так или пьет, или бьет, или гуляет. А у кого и совсем мужа нет – что хорошего?»

Но Раечку эти разговоры не утешали. Ведь он ни разу не принес ни сыну конфетку, ни ей цветочек – никогда никакого подарка! Даже в кино не ходили! В парке жалел денег ребенку на качели. Да что говорить, мелочь – не мелочь, а все это скапливалось в одну большую обиду.

Когда сыну исполнилось 4 года, муж не разрешил справлять ему день рождения, чтоб не тратить денег. Все же Раечка одолжила несколько рублей у соседки, купила лимонад, испекла пирог, позвала ребятшек из детского сада. Веселый праздник с песнями и танцами удался на славу!

Вошел муж, увидел все это и молча вышел. А вечером, когда он вернулся, Рая не дала ему рта

раскрыть – напала первой:

– Жить с тобой я больше не буду. Квартира эта – моя, мне ее от нашей фабрики дали. Так что убирайся, откуда пришел. А если сейчас скажешь хоть слово, я тебя на партсобрании на весь город опозорю. Да, и не забудь про алименты, – ехидно добавила она напоследок.

Через два года она встретила человека, в которого влюбилась без памяти. Он был романтик. Бывало, рискуя попасть в милицию, рвал цветы для Раи на главной клумбе города. Ради того, чтобы доставить радость всей семье, деньги мог тратить, не задумываясь (что для семейного бюджета отнюдь не плюс). Рая родила еще сына – Никанора – и была счастлива.

Муж был щедр во всем, и в любви тоже. Многие влюблялись в него, а отказать и обидеть женщину он не мог. Так что покоя у бедной Раечки не было.

Прошло еще четыре года. Муж стал то «задерживаться на работе», то «уезжать в командировку», но каждый раз, возвращаясь, приносил цветы, просил прощения, и Раечка, конечно же, прощала, потому что любила.

Но однажды к ней пришла юная девочка, лет 17, с уже заметным животом. Виновато и беспомощно взглянув на Раю и опустив глаза в пол, сказала, что ждет ребенка, что Он обещал жениться и что ей теперь делать? Раечка оставила ее до обеда. Если бы «разлучница» что-то требовала и заявляла о своих правах, Рая, скорее всего, выгнала бы ее со скандалом. А тут, увидев растерянную девчонку, она вспомнила себя 17-летней, почему-то очень напуганную своей первой беременностью, хотя у нее был муж. А эта, похоже, совсем одна...

Потом пришел с работы муж. Молча пообедали все вместе.

– Дети, идите, погуляйте. Нам поговорить надо.

Рая поняла, что все ждут ее решения. «Господи, как трудно сделать этот непосильный выбор за другого человека и за себя!»

– Ну, что же, дорогой, собирайся, тебя ждут, – наконец произнесла она и выразительно посмотрела на живот девчонки.

Боже, как она хотела, чтобы он остался! Чтоб попросил прощения еще раз, в очередной последний раз. И, получив очередное 125-е прощение, оставил бы все по-старому. Но муж, виновато понуриив голову, стал собирать вещи. У Раи все похолодело внутри.

Подружки потом ругали ее, да и сама она ела себя поедом.

Однако жизнь продолжалась. Прошло еще какое-то время, и Рая встретила своего третьего мужа (везет же некоторым!). И в третий раз родила сына. Назвала Фадеем. Человек этот был сама доброта. А уж как душевно, сердечно относился к ее мальчишкам! И руки золотые. Не было такой вещи, которую он не мог бы сделать сам. Сделал и отполировал мебель, соорудил и повесил, где требовалось, красивые добротные полки, обустроил кухню. И мальчишек обучал всему, что умел сам. Готовил обед, когда приходил с работы раньше Раи. Отдавал ей все деньги с полочки.

«Не бывает такого благолепия», – скажете вы и будете правы. Да! Традиционная русская беда, напасть, горе – пьянство! Раз в 2-3 месяца муж напивался до потери сознания. Валялся под забором, кричал, сквернословил.

Несколько лет Рая боролась с этим злом, но, в конце концов, поняв тщетность своих усилий, сказала мужу:

– Иди обратно к своей маме и приходи только трезвый и только в гости. Не дай Господь, дети с тебя пример возьмут.

Так и приходил он в гости, пока был трезвый. Деньги приносил. Детей баловал. Всех, не только своего – добрейшая душа.

Второй муж тоже иногда навещал их и смотрел на Раю тоскливыми глазами побитой собаки. Много было в его жизни амурных походов, и даже бывал он бит и женщинами, и мужчинами. Но после каждой любовной истории вспоминал он Раю. Видно, эта любовь была настоящая, а все другие – просто приключения. Он тоже сам приносил деньги – сколько мог. Рая не требовала. И только от первого мужа Рая получала алименты – сам бы ни за что не давал. Такое это было ему наказание – каждого 15-го числа видеть в ведомости сумму алиментов и скрипеть зубами от злости.

Деньги, которые давали ей бывшие мужья, она клала поровну на три разные сберегательные книжки сыновьям.

Так и жила Рая со своими детьми – ее счастьем, радостью и гордостью. Уж такие они были красивые да умные! Но что больше всего грело сердце матери, так это их дружба. Все трое от разных отцов, тем не менее они беззаветно любили друг друга, трогательно заботились друг о друге. На душе у нее теплело, когда старший поправлял шарфик среднему, тащил его портфель, провожая в школу, коршуном готов был наброситься, если кто только еще подумает обидеть. И оба старших так же относились к самому младшенькому. Вся округа знала, что Райкины пацаны друг за дружку глаза повыцарапывают. А младшие слушались старшего беспрекословно, выполняли все его указания, хорошо учились, чтоб заслужить его похвалу.

Как-то она спросила Володю:

– Скажи мне правду, сыночек, не ревнуете ли вы с Никишкой к Фадейчику – ведь я с ним вожусь больше, чем с вами?

– Да что ты, мам, мы же понимаем, что он маленький, больше внимания требует, да и потом он ведь такой хорошенький!.. Мы знаем, чувствуем, что ты нас всех одинаково любишь!

У Раи ночами, когда она думала о своих сыновьях, об их высочайшей пробы братской любви и преданности, сердце сжималось при воспоминании о своем отношении к Зиночке и своей детской ревности. Душа ее болела и плакала.

Однажды, когда Рая возилась на кухне, двое младших, перекидываясь мячом, смахнули со стола графин с водой. Если помните, обязательный атрибут того времени: на столе на стеклянном подносе графин с водой и 1-2 стакана. Графин уцелел, только стеклянная крышка – вдребезги, и вода разлилась. Мальчишки стояли, понурились, ожидая взбучки. Рая велела им разойтись подальше, чтобы не поранились (босые ведь!), а сама, недовольно ворча и вздыхая, подмела куски разбитой крышки, потом мокрой тряпкой собрала мельчайшие осколки. Наказание для детей было самое суровое – по разным углам без права общения.

Через несколько минут Рая услышала какой-то шепот и шевеление в комнате, решила подождать, что будет. Тихонько выглянула из кухни. Младший, оказывается, все-таки слегка поцарапался осколком стекла, и Никанор по-пластунски (чтобы мама не заметила) полз к нему с йодом и бинтом. Она увидела, как старательно ее сын бинтует братишке ранку, а тот обнимает его за шею. Эта трогательная картина опять, в который уж раз, огнем покаяния обожгла душу! Рая бросилась на кровать и зарыдала. Ребята встали рядом, растерянные, ничего не понимая – ну, не может же их мама так плакать из-за разбитой крышки! Не зная, как и чем можно утешить маму, тоже заревели. В этот момент (слава Богу!) пришел старший сын Володя.

–Мам, что с тобой?

Рая долго молчала, собираясь с мыслями.

– Понимаете, – сказала, наконец, она, утирая слезы, – семья, братья, сестры... Когда они дружат и любят друг друга, как вы – это такое счастье! Станете взрослыми, вы поймете это. Я не рассказывала вам раньше – считала, маленькие еще. Видно, уже пора... У меня была сестра Зиночка, но потерялась во время войны. Как услышу на улице кого-то окликнут "Зина", так вздрагиваю. Так хотела бы ее

найти, обнять, помочь, если надо. Я же старшая была...

– Ты ее очень любила?

– Да, – и душа Раи покраснела от лжи.

– А может, написать в Красный Крест?

– Так ведь что писать? Ее кто-то удочерил, значит, фамилия у нее другая. Да и потом, совсем она маленькая была, свою настоящую фамилию и не знала. Ни дня рождения, ни места, где родилась.

Рая стала рассказывать притихшим мальчикам о своем детстве, приезде к папе на западную границу, о том, как началась война, что папа погиб в первые же дни войны, и что они тогда пережили, как пропала мама, о ночном плаванье на лодке с Дедом Мазаем, о приютившем ее стареньком священнике Никаноре.

– Наша фамилия была Каган. Это лейтенант Фадей Ильич Кагановский дал мне свою фамилию.

– А Каган – это как? Твой папа, что, был еврей? И ты, значит, тоже еврейка?

– Да, и моя мама тоже. Тебя это коробит? – Рая внимательно посмотрела в глаза сыну. Володя задумчиво молчал. У Раи разом высохли слезы, она встала с постели и пошла на кухню. На сердце было тяжело.

Прошло некоторое время. Рая чувствовала, что Володька хочет поговорить, но сама разговор не начинала. Однажды, когда младшие уже легли спать, а Володя еще продолжал заниматься, Рая, пожелав ему спокойной ночи, тоже собралась идти спать, но Володя остановил ее:

– Мам, подожди, не уходи, расскажи мне, что ты знаешь о евреях. Понимаешь, я никогда не думал раньше об этом, о разных национальностях...

– К сожалению, я знаю очень мало. Отец мой был офицер и, как ты догадываешься, атеист. Наверно, мы жили где-то в средней полосе России, потому что, помню, ехали поездом до папы больше суток. Жили мы до этого вместе с маминими родителями. Они рассказывали мало, потому что мама им не разрешала, как она говорила, "забивать детям голову". Помню только, что нельзя было мешать мясную еду с молочной. А совсем недавно я разговорилась с врачом из нашей поликлиники. Она тоже еврейка. Так она сказала, что с медицинской точки зрения этот запрет очень правильный. Если в желудок попадает мясная пища, то для ее переработки образуются одни ферменты, а если попадает молочная – то, соответственно, другие. Не знаю, насколько точно я все поняла, но смысл был в том, что для организма не здорово, если их смешивать. Вот только интересно, откуда древние евреи несколько тысячелетий назад могли это знать?

И еще дедушка, который нас спас, спросил меня, как моя фамилия, и велел никому не говорить ее. Я поняла, хоть мне тогда только 11-й год пошел – это потому, что я еврейка. Со временем я, конечно, узнала, что это надо скрывать, но почему – понять не могу. Отчего такая несправедливость? Я не знаю. Евреям всегда было трудно, да и сейчас для них нелегкие времена. Вот говорят: "Скажи мне, кто твой враг, и я скажу тебе, кто ты". Там, правда, немножко по-другому, но суть такая же. Разве не показательно, что злейшие ненавистники евреев – инквизиторы, фашисты? А тот старичок, который нас спас, и священник Никанор, в честь которого я Никишку назвала, они понимали, кого от кого спасают. Но я никогда ни унижаться, ни стесняться своей национальности ни перед кем не буду. Я тебя назвала в честь моего папы. Он был еврей, офицер Красной Армии, настоящий патриот, погиб, защищая Родину. Ты носишь его имя.

Рая говорила сумбурно, непоследовательно, перескакивая с одной мысли на другую. Ей хотелось рассказать обо всем сразу. Так давно тянуло поговорить со старшим сыном! Теперь вот, наконец, случилось. Этот разговор много значил для обоих, для их душевной близости. Рая видела, что слова ее доходят до сердца сына.

– Вот послушай, – улыбнулась она, – музыка Яна Френкеля, слова Инны Гофф, поет Иосиф Кобзон: "Здравствуй, русское поле, я твой тонкий колосок!" Да разве только это? Просто очень яркий

и всем известный пример еврейской любви и патриотизма к нашей Родине. А сколько среди евреев великих и талантливых людей! Я могу только гордиться.

– Я тоже, – тихо сказал сын.

Как-то давняя подружка, вспоминая былые годы, спросила Раю:

– Помнишь нашу бригадиршу на фабрике, которая все советовала тебе терпеть, когда ты на своего первого мужа-скупердяя жаловалась? Говорила, что другой, может, пить будет или гулять. Так ты все испытала. Ну, и кто же лучше?

– Не знаю... Больше никого искать не буду. Вот старший, уж совсем взрослый стал, говорит: “Мам, нам и вчетвером хорошо”.

Кто-то может удивиться тому, что Рая сохранила хорошие, теплые отношения со всеми своими свекровьями. А дело в том, что она, не имеющая родных, очень берегла родственные чувства. Напечет, бывало, пирожков и ведет внуков к старушкам. Когда дети подросли, посылала их одних:

– Давно бабушек не навещали, а ну-ка, по-быстрому собирайтесь.

Естественно, свекрови платили ей тем же.

Наконец, наступил радостный день, день материнского торжества – ее Володя окончил школу с золотой медалью! На выпускном вечере так хвалили ее сына! Победитель математических олимпиад, гордость школы, гордость города... Столько благодарных слов услышала она в свой адрес – голова шла кругом от счастья!

И Рая решила отметить это событие в тесном семейном кругу. Она заказала столик в ресторане, пригласила своего первого мужа, отца Володи, с его новой женой и свекровь. Мужу сказала, что от него ничего не требуется – все расходы за ее счет, пусть не нервничает. Новая жена оказалась полноватой, простой, невзрачно одетой, испуганной женщиной. Зная характер своего бывшего мужа, Рая хорошо понимала ее состояние.

Свекровь была преисполнена благодарности за приглашение и вообще за отношение к ней Раи. Ведь другая в такой ситуации постаралась бы отдалить внука от бабушки.

Раечка была очаровательна в элегантном, модном платье, с красивой прической, в окружении трех чудесных сыновей... Это был ее триумф!

Володя поступил в МГУ.

А что же Зина?

Зиночка росла у добрых людей. Выросла, выучилась, работала бухгалтером. Вышла замуж, родила сына и дочь. Рано овдовела.

Она смутно помнила тот страшный день без мамы – старенького дедушку, лодку, любимую сестричку Раечку... А как искать ее? Она даже не знала ни своей настоящей фамилии, ни имен родителей – ведь она звала их просто мама и папа.

Через два года после смерти мужа родная бухгалтерия отправила ее отдыхать по путевке на теплоходе по Волге и строго-настрого наказала отдохнуть как следует, новых знакомств не избегать, на танцы ходить в обязательном порядке.

Прошли годы. Раины дети выросли. Володя жил и работал в Москве. Летом 1983 года Рае дали профсоюзную путевку в турпоездку по Волге по маршруту Ростов-на-Дону – Москва. Как удачно – и отдых прекрасный, и с сыном повидается.

В каюте ее поселили с очень милой женщиной. Звали соседку Зина. Сердце уже не дергалось при этом имени. Что ж, время, действительно, лечит.

Они подружились, вместе ходили на танцы. Правда, танцевали редко, чаще сидели в уголке,

много рассказывали друг другу о себе, о подругах, о работе и, конечно, о детях – чем еще занять непривычно свободное время? Однако, по непонятной причине все рассказы о себе начинались с замужества. О детстве почему-то не говорили.

5 июня. Во время ужина по радио поздравили повариху с днем рождения. Все зааплодировали, потому что еда действительно всю дорогу была отменная. После ужина вернулись в каюту. Рая сказала: “Что-то хочется отдохнуть, полежу-ка я с полчаса”. Соседка решила ей не мешать: “Пойду, воздухом подышу, а ты потом приходи. Я на корме буду. На аукцион не пойду, а потом, если захочешь, кино посмотрим. Будет «Возвращение «Святого Луки»».

Рая не заметила, как задремала. Вообще-то, говорят, спать на закате не полезно, голова может разболеться. Да и не было такого раньше. С чего бы это вдруг?

И вот Рая видит сон – видит тот самый страшный день 41-го года. Они с Зиной сидят на кровати, обнявшись, ждут маму, а ее все нет. Зиночка плачет, уткнувшись в Рая. Наконец, раздаются шаги, и на пороге стоит мама. Рая поражается, как Зина, соседка по каюте, на нее похожа! Мысль об этом то ускользает, то возвращается и зудит, как назойливая пчела. «Зина похожа на маму... Зина похожа на маму... Это что-то значит!...». Но времени на раздумья нет, мама во сне торопит: “Вставай скорее, надо бежать! Скорее, скорее! Боже мой, ну, скорее же!” – “А где Дедушка? Он придет за нами?” – “Не спрашивай, все потом, а сейчас надо бежать. Надо спасти Зиночку». Куда бежать, зачем бежать? Рая проснулась в страшном волнении. О чем хотела предупредить, предостеречь мама? Она бросилась на верхнюю палубу.

На палубе много народа, играет музыка. Теплоход “Александр Суворов” проплывает Ульяновск. Красивый мост длиной, как сказал экскурсовод, 2200 метров. На мост въезжает товарный состав. В небо почему-то запускают ракеты, похожие на салют. Может, праздник какой? Но что-то так тревожно... Она помнит сигнальные ракеты во время войны ... Где Зина? Где же Зина?

А Зина стояла, как обычно, на корме, смотрела на бурлящий след теплохода и не видела, как он неумолимо приближался к мосту.

Теплоход шел в шестой пролет моста, через который суда и меньших габаритов пройти не могут. Береговая диспетчерская служба, увидев, что судно движется к шестому пролету, пришла в ужас и начала предупреждать по радио вахтенных на «Суворове». Никакого ответа не последовало. Диспетчеры, в полном отчаянии, успели пустить предупредительные ракеты, так как было ясно – остановить судно или заставить его хоть чуть-чуть отклониться от рокового курса уже невозможно. Не сбавляя скорости, «Суворов» вломился в пролет. Удар теплохода искривил, разрушил рельсовый путь и верхнее строение моста. Многие из тех, кто оставался в каютах на нижних палубах, в первый момент удара даже и не заметили – в точности, как на “Титанике”. В корпусе он отозвался глухим, неясным гулом. К тому же в репродукторах звучала музыка. Этот удар срезал, как лезвием, ходовую рубку, всю верхнюю палубу вместе с кинозалом, до отказа забитым людьми, пароводные трубы. Удар с такой силой потрянул фермы моста, что вагоны тяжелого железнодорожного состава, громыхавшие наверху, опрокинулись, и вниз, на теплоход, посыпались уголь, бревна, зерно... Теплоход остановился не сразу. Из-за инерции скорости и огромной массы его протащило под мостом и еще метров триста после моста. И только потом «Суворов» замер на глади реки.

Удар заставил Зину обернуться. Она остолбенела, не в силах шевельнуться – увидела катящиеся на нее бревна вперемешку с углем, раненых кричащих людей, а впереди всех бегущую к ней Рая. Со всего хода Рая схватила Зину и успела прыгнуть с ней за борт до того, как, сшибая людей, бревна докатились до них.

– Зиночка, дорогая, ты знаешь, кто ты? – она хочет сказать СЕСТРА, но слово застревает в горле...
Они умудрились вместе ухватиться за одно бревно и поплыли к берегу. Но как же далеко до него!
Течение сносит их, не давая приблизиться к берегу. Рая плачет и повторяет: «Зиночка, Зиночка...».
Из последних сил, с невероятным напряжением они все же добрались до берега.
Рая обнимает сестру и, всхлипывая, повторяет:
– Зиночка, родная, я нашла тебя!

Вот и вся история. Что это? Кто поместил этих двух женщин в одну каюту, в одно время? Его Величество Случай? Или ОН услышал Раино искреннее раскаяние? Или мамино заступничество на небесах?

И не верь после этого в Провидение!

Апрель 2009 года.

Советский теплоход «Александр Суворов» налетел на мост через Волгу около города Ульяновска. Погибли 176 человек. Множество жертв объясняется тем, что в момент столкновения большая часть пассажиров находилась в кинозале и на танцплощадке на верхней палубе, полностью уничтоженной столкновением с фермой моста.

7 июня 1983 года Телеграфное Агентство Советского Союза (ТАСС) передало сообщение: «От Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР. 5 июня с. г. на Волге, вблизи г. Ульяновска, произошла авария пассажирского теплохода «Александр Суворов», повлекшая за собой человеческие жертвы. Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР выражают глубокое соболезнование семьям и родственникам погибших».
